

ЕВРОПЕЙСКАЯ РЕФОРМАЦИЯ
И ЕЕ ВОЗМОЖНЫЕ АНАЛОГИ
В РОССИИ

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4
Е24

Редколлегия:

*Н.В. Башнин (отв. секретарь), Ю.Н. Беспятых, С.А. Исаев (отв. редактор),
Н.В. Михайлов, П.В. Седов (отв. редактор), А.Н. Цамутали*

Рецензенты:

*д.и.н. З.В. Дмитриева
к.и.н. М.С. Стецкевич*

Е24 **Европейская Реформация и ее возможные аналоги в России.** — СПб.:
Нестор-История, 2017. — 492 с. — (Труды Санкт-Петербургского
института истории РАН; вып. 3 (19)).

ISBN 978-5-4469-1281-0

Выпуск 3 (19) «Трудов Санкт-Петербургского института истории РАН» приурочен к 500-летию начала Реформации. Сборник состоит из исследовательских статей, посвященных событиям европейской Реформации и тем эпизодам истории Русской православной церкви, по отношению к которым есть основания предполагать влияние Реформации. В материалах тома использованы документы Архива СПбИИ РАН о новгородских старообрядцах и немецких кальвинистах Германии. Предложена новая классификация разновидностей Реформации.

Издание рассчитано на историков, религиоведов и всех интересующихся историей христианства.

ISBN 978-5-4469-1281-0

**УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4**

© Коллектив авторов, 2017
© Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук, 2017
© Издательство «Нестор-История», 2017

Содержание

Предисловие	4
<i>Исаев С.А.</i>	
Введение	6
<i>Крылов П.В.</i>	
Гуситское движение — война за «свободу закона Божия»	36
<i>Алексеев А.И.</i>	
Ересь жидовствующих в России в 1470–1510-х годах: в поисках европейских аналогий	107
<i>Таценко Т.Н.</i>	
Ульрих Цвингли и Реформация в Цюрихе	165
<i>Таценко Т.Н.</i>	
Страсбургский реформатор Мартин Буцер	197
<i>Таценко Т.Н.</i>	
Реформатство (кальвинизм) в Германии XVI в.	245
<i>Исаев С.А.</i>	
Реформационные движения в Англии	287
<i>Седов П.В.</i>	
Был ли раскол XVII века в России Реформацией?	364
<i>Рогозный П.Г.</i>	
Реформация в России? Синодальный период и советское обновленчество	428
Заключение	459
Аннотации	471
Abstracts	480
Список сокращений	487
Сведения об авторах	488

П. В. Крылов

Гуситское движение — война «за свободу закона Божия»

1. «Четыре Божьи истины»: формирование программы

История гуситского движения охватывает несколько десятилетий. Некоторые исследователи считают его первой датой 1402 г., когда Ян Гус получил место проповедника в Вифлеемской часовне (построенной в 1391 г.) для чтения проповедей по-чешски. Другие прослеживают начало идей церковной реформы с середины XIV в.: с деятельности в Чехии Яна Милича из Кромержижа, Матея из Янова и Конрада Вальдгаузера. Третьи полагают, что собственно движение началось только после сожжения Яна Гуса в Констанце 6 июля 1415 г. Лаврентий из Бржезовой, автор «Гуситской хроники» — одного из важнейших источников по истории движения¹ — начинает свое изложение с 1414 г., с момента, когда по инициативе магистра Якоубека из Штржибра в церквях св. Адальберта (Войтеха) в Новом Городе², св. Мартина в стене, св. Михаила, а также и в Вифлеемской

¹ *Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника* / Изд. Й. Мацек; пер. с чешск. В. С. Соколова. М., 1962.

² В XV в. Прага состояла из нескольких частей: крепостей Град и Вышеград, а также самостоятельных поселений — Старый Город, Новый Город и Мала Страна.

часовне мирян начали причащать под обоими видами — хлебом и вином. Через несколько лет именно причастная чаша — «калих» — превратится, пожалуй, в главный символ движения, а причащение мирян из нее станет основным критерием, отделяющим своих от чужих как в гуситском, так и в католическом лагерях.

Тема «закона Божия» была одной из центральных в проповедях Гуса и его менее известных последователей. Впрочем, до лета 1419 г. никакого более или менее четкого представления о его содержании, не говоря о способах утверждения, обнаружить не удастся. Хождения на горы, вызванные ростом эсхатологических настроений, пражское восстание 30 июля, вызванное слухами о готовящихся нападениях на церкви, в которых причащали под обоими видами, и случившаяся на фоне восстания смерть короля Вацлава IV (16 августа) серьезно изменили общественно-политическую обстановку в Чехии. Во-первых, наследником покойного монарха являлся его брат Сигизмунд, император Священной Римской империи, которого очень многие считали ответственным за вынесение смертного приговора Гусу. Нежелание принимать Сигизмунда в качестве короля было, с одной стороны, объединяющим фактором для разнородных групп гуситов; с другой же — оно побуждало их всех каким-то образом сформулировать свой отказ считать притязания наследника короля Вацлава легитимными и обозначить условия, на которых они были готовы разговаривать с потенциальными претендентами на престол. Во-вторых, в условиях фактического отсутствия королевской власти на авансцену чешской истории выходят новые силы: объединения городов, среди которых основным стал союз, возглавляемый Прагой, и выросшие из «поднявшихся на горы» в ожидании конца света общины; получившие прозвище «табориты». (Табор — название библейской горы Фавор по-чешски.) И те, и другие оказались перед необходимостью сформулировать свои чаяния, главным образом для того чтобы обозначить возможные границы маневра в своих взаимоотношениях как с другими гуситскими группировками, так и с теми, кто остался верен католическому вероисповеданию.

Поэтому именно после 1419 г. один за другим появляются более или менее пространные документы, объединяемые в историографии под названием «гуситских программ», центральным мотивом которых стало «водворение закона Божьего» в Чешском королевстве. Понимание этого «закона» в целом остается не особенно определенным: где-то оно конкретизируется, где-то, напротив, размывается. Но с этого года и до подписания мирных соглашений в 1436 г. понятие «закон Божий» постоянно присутствует в документах как цель гуситского движения. Если мы хотим прояснить его содержание, необходимо обратиться к текстам того времени.

Год 1419 стал важнейшим рубежом перехода гуситства от вполне еще мирной проповеди исправления ограниченного числа недостатков церковной жизни к вооруженной борьбе. Он начинается с попытки Вацлава IV (король Чехии в 1378–1419 гг.) ограничить распространение гуситства, что было вызвано давлением Констанцского собора и Сигизмунда Люксембургского (король Венгрии в 1387–1437 гг., многолетний претендент на императорский престол, император в 1433–1437 гг.). 25 февраля чешский король запрещает повсюду, кроме трех пражских церквей, причащение под обоими видами, после чего, как писал хронист Лаврентий из Бржезовой, народ устремляется на горы. 22 июля, в день праздника св. Марии Магдалины, на горе возле Бехине собралось более сорока тысяч человек. Свидетель описал действие следующим образом: там «с великим благоговением причащали простой народ святой евхаристии, особенно же в дни праздничные, в то время как противники такого причащения в близлежащих храмах не разрешали так причащать простой народ»³. Между этими событиями, 6 июля, король назначил новых пражских коншелов (советников городского магистрата), известных отрицательным отношением к гуситству. Подобные назначения были проведены им весной–летом и в других городах. Назревавший конфликт вырвался наружу 30 июля, после религиозной процессии гуситов, когда толпа под предводитель-

³ Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. С. 42 (гл. 16).

ством Яна Желивского и Жижки захватила ратушу и выбросила рихтаржа (городского судью) и нескольких коншелов из окон. Короля хватил удар, от которого он скончался 16 августа. Всё это время в Праге бушевало восстание, перекинувшееся на другие города. От него пострадали многие монастыри и церкви. После некоторого затишья в начале сентября ситуация вновь обостряется, что было вызвано новыми собраниями на горах (17 сентября на Бзи и 30 сентября на Кржижках), участники которых в начале октября сходились в Праге. 6 октября вдова короля София, несколько панов и четыре города заключают союз против Праги и занявших столицу толп. Однако в середине ноября пражане заключают перемирие с недавними противниками, которые покидают Прагу, и конец года проходит спокойно.

Три документа, в которых нашли отражение события 1419 г., могут считаться программными:

1. Манифест гуситов, сошедшихся 17 сентября 1419 г. на горе Бзи в южной Чехии⁴.
2. Листовка, написанная явно хилиастами (представителями радикального направления в гуситстве), которую датировал этим же годом Франтишек Палацкий⁵.
3. Статьи, поданные некоему «нашему королю новому, пану милостивому». Под не названным по имени «новым королем», вне всякого сомнения, подразумевается Сигизмунд Люксембургский, на что указывает упоминаемый в первой статье «доброй памяти его брат, король Вацлав». Последний документ сохранился в двух не совпадающих по числу статей списках, соотношение и датировка которых вызывают немало споров.

Манифест, изданный от имени участников сходки на горе Бзи, зовет сторонников чаши на новый сход — на горе у Кржижков, упомянутый в хронике Лаврентия из Бржезовой⁶. В преамбуле декларируется, что «наши на горах и полях сходы посвящены только одному: свободному слушанию вечной

⁴ Archiv Český / Ed. F. Palacký. Praha, 1844. Dil. III. S. 205.

⁵ Ibid. Dil. VI. S. 43–44.

⁶ *Лаврентий из Бржезовой*. Гуситская хроника. С. 45–46 (гл. 20).

и спасительной истины, что кроется в законе Божьем и найдос-
тойнейшему и надлежащему причащению святых плоти и кро-
ви Господа нашего спасителя Иисуса Христа»⁷. Следующий
сход, к которому они призывают своих верных на Кржижки,
будет посвящен тому же делу⁸, подобно первым сходкам лета
1419 г., упомянутым Лаврентием из Бржезовой⁹. Собственно,
и на горе у Кржижков в конце сентября того же года, «выслушав
от священников несколько проповедей с призывами возлюбить
друг друга во Христе и мужественно бороться за правду Божью,
с большим усердием причащались телом и кровью Христовы-
ми»¹⁰. В то же самое время манифест собравшихся на горе Бзи
содержал еще одно достойное внимания место: «Чтобы явные
преступления и смуты были бы определены и искоренены с по-
мощью Господа Бога, короля, панов, рыцарей и паностей, и всей
общины христианской»¹¹. В свое время оно дало основания для
противоположных трактовок. Консервативный католический
автор Йозеф Пекарж, ссылаясь на манифест, утверждал, «что
участники сходки не отвергали общественной иерархии»¹², тог-
да как его последовательный оппонент Й. Мацек увидел нечто
иное: «Впервые в нашей истории сельский люд заявил о своем
намерении выступить против всех общественных несправед-
ливостей бок о бок с высшим и низшим дворянством <...>»¹³.
Остается, впрочем, неясным, какой источник позволил ему су-
дить о социальном составе участников сходки и утверждать, что

⁷ Archiv Český. Díl. III. S. 205.

⁸ «Чтобы обсуждать, каким образом закон Божий в чешском королев-
стве мог бы обрести свободу» (Ibid. S. 206).

⁹ *Лаврентий из Бржезовой*. Гуситская хроника. С. 42 (гл. 16).

¹⁰ Там же. С. 46 (гл. 20).

¹¹ Archiv Český. Díl. III. S. 205–206. Ср.: *Мацек Й.* Табор в гуситском рево-
люционном движении. М., 1956. Т. I. С. 328. Несколько ниже, на с. 350,
исследователь, напротив, ассоциировал общину с городскими ре-
месленниками и беднотой. В целом же отождествление собравшихся
на горе Бзи с сельским людом мне кажется необоснованным, равно как
подобная трактовка выражения «вся община христианская».

¹² *Pekař J. Žižka a jeho doba*. Praha, 1992. S. 175.

¹³ *Мацек Й.* Табор в гуситском революционном движении. Т. I. С. 328.

«на Кржижках произошла блестящая демонстрация единства всего сельского населения»¹⁴. По словам Й. Мацека, дворянство и сельское население, разделяя общие представления о социальной несправедливости, имели общие цели. Это предположение кажется более вероятным, чем утверждение Иржи Кейржа о том, что «еще в 1419 г. крестьянство проявило себя как революционный класс, который видит свою задачу в свержении существующего строя». Подчеркиваемое Кейржем «требование радикалов, чтобы в обществе людей существовал один только закон Божий»¹⁵, вовсе необязательно трактовать как призыв к революции. В нем можно усмотреть призыв к улучшению существующих отношений между людьми, а не к ломке сложившегося общественного порядка. Не стоит отождествлять состав участников хождений на горы и городских волнений. Первые до середины осени 1419 г. были вполне мирными, вторые же уже с конца июля сопровождались актами насилия — погромами монастырей.

Во втором документе — листовке — читаем: «Именно в те времена давал Христос своим верным указание, дабы бежали не только грехов, но и общества злых людей <...> и говорил им: Бегите к горам, т. е. к правоверным людям, что возвышаются в своей надежде, любви и уповании надо всем и надо всеми»¹⁶. Очищение должно производиться покаянием, постом и добрыми делами. Нечестивых, по мысли хилиастов, должен покарать сам Господь¹⁷.

В этих первых памятниках гуситских программ главным требованием было причащение из чаши. Чаша была символом закона Божьего, причащение из нее мирян — его содержанием. Прочие требования не были еще ясно сформулированы и становились более конкретными в ходе последующих споров с противниками.

¹⁴ Там же. С. 331.

¹⁵ *Kejř J. Voj o státní formu v husitském revolučním hnutí // Pivdennočeský historický sborník. 1956. T. 2. S. 140–141.*

¹⁶ *Archiv Český. Díl. VI. S. 41.*

¹⁷ *Ibid. S. 43.*

Третий документ — самый известный. Написанный на чешском языке, он хранится в венской Национальной библиотеке и впервые был опубликован Ф. Палацким в 1844 г.¹⁸ Список требований состоит из 23 статей и является самостоятельным документом. Существует иная его редакция, которую воспроизвел в своем сочинении майнцкий купец Эберхард Виндеке, долгие годы состоявший на дипломатической службе у императора Сигизмунда и объездивший пол-Европы по его поручениям. Отойдя от дел и обосновавшись в Майнце, в начале 1430-х годов он начал работу над хроникой, в текст которой включил изрядное количество писем, реляций и других документов. Как отмечает Й. Пекарж, он делал это без существенных искажений¹⁹. Текст Э. Виндеке, написанный по-немецки, однако, несколько отличается по содержанию от чешской редакции и короче ее, он состоит из 18 статей²⁰.

Многое в документе, начиная с его датировки, вызывает разногласия среди исследователей. В чешском документе дата отсутствует, однако Э. Виндеке сопроводил статьи пояснением: «Это кондиции, представленные Сигизмунду Венгерскому чешскими панами вскорости после смерти его венценосного брата короля Вацлава (alsbalde konig Wenclaus starp)», т. е. после 16 августа 1419 г. Стоит отметить, впрочем, что информация о статьях следует в хронике за рассказом о неудачной осаде Праги войсками Сигизмунда летом 1420 г. Получается, что Э. Виндеке отступил от более или менее строгого хронологического порядка своего повествования, скорее всего, желая использовать упущенный им ранее важный документ, что и заставило его сделать оговорку: статьи появились вскоре после кончины прежнего чешского короля²¹. Так королевский агент, видимо, указал читателю, что они появились на свет до крестового похода против гуситов (объявлен 17 марта 1420 г.), о кото-

¹⁸ Archiv Český. Dil. III. S. 206–208.

¹⁹ Pekař J. Žižka a jeho doba. S. 149.

²⁰ Eberhard Windeckes Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds / Ed. W. Altmann. Berlin, 1893. S. 121–124.

²¹ Ibid. S. 121.

ром только что было рассказано. За *alsbalde*, таким образом, может крыться временной отрезок длительностью в полгода. Тем не менее большинство исследователей датируют статьи концом августа – началом сентября 1419 г. Эта датировка представляется мне спорной.

Приблизительно половина текста «23 статей» посвящена церковной реформе: «Чтобы его королевское величество даровал свободу закону Божию и слову Его, и особенно причащению плотию и кровию Его всему народу христианскому, каковую свободу его блаженной памяти брат король Вацлав некогда допустил» (ст. 1). Препятствующий причащению вином должен быть изгнан из города (ст. 2), согласно ст. 6 запрещается торговля индульгенциями. Под страхом изгнания запрещается называть еретиками Яна Гуса и Иеронима Пражского (ст. 7).

Несколько статей посвящено поддержанию мира и спокойствия в стране, правам и привилегиям короны и ее подданных. Изгнанные Вацлавом «из страны либо из города» не должны быть возвращены (ст. 8). Против кого была нацелена эта статья, трудно сказать. Пожалуй, к изгнанным можно отнести, и то с большой натяжкой, магистров, покинувших Прагу после издания Кутногорского декрета 1409 г. «Иноземцы не должны занимать должности, а особенно в тех городах, где власть может принадлежать чехам; жалобы и судебные протоколы следует писать по-чешски, а чехи чтобы имели право первого голоса повсюду в королевстве и в городах» (ст. 9). Что означает уточнение «где власть может принадлежать чехам»? Быть может, этой оговоркой составители требований намеревались успокоить население городов, где преобладали немцы, дав понять, что их положение не изменится?

Одна из статей (ст. 17) запрещала проституцию внутри городских стен, а следующая (ст. 18) требовала, «чтобы евреи, живущие в королевстве, не могли получить денег за какое бы то ни было отданное в заклад имущество, если оно не было предъявлено поставленным на то присяжным; дабы ворованное и награбленное имущество не могло попасть к евреям и таким путем исчезнуть». Борьбу с еврейским ростовщичеством

в средневековой Чехии начинали не раз, но стоит отметить от-носительную мягкость предполагаемых в документе мер: ростовщические операции должны были быть всего лишь поставлены под более строгий контроль.

В трех статьях, замыкающих документ, короля просили, во-первых, сохранить в силе введенные во время междуцарствия постановления (ст. 21, с нею по содержанию перекликается ст. 16); во-вторых, защищать все земские и городские права и привилегии (ст. 22) и, наконец, издать маестат, подтверждающий «23 статьи».

До 1418–1419 гг. шляхта была единственным сословием, расколотым по вопросу о церковной реформе: как ее сторонники, так и противники были в основном шляхтичами. Теперь сторонники и противники объявились в среде бюргерства, крестьянства, а также городских низов, как видно из документов 1419 г.²² Квинтэссенцией реформы для всех была чаша. В статьях нашлось место требованиям отдельных сословий и корпораций, а также главной тогда цели всех гуситов — добиться разрешения причащаться под обоими видами. Рассчитывая таким образом достичь в поддержке статей согласия разных сил в рамках «общины земли Чешской», составители, по всей видимости, надеялись, что это единство заставит короля пойти на уступки. Это объективно соответствовало ситуации временного затишья, наступившего позднее осенью 1419 г.

«23 статьи» — программа общегуситская, и можно утверждать, что она является также программой умеренной; какие бы то ни было хилиастические мотивы в ней отсутствуют. Покинувшие Прагу радикалы, по-видимому, не были с ней согласны, но их влияние в те дни было, очевидно, столь незначительно, что не могло привести к сдвигам в общем настроении, которое было вполне умеренным.

В документе впервые были сформулированы требования, не раз звучавшие впоследствии в гуситских текстах. Тем не менее отдельным статьям было суждено в дальнейшем исчезнуть из них или быть замененными на другие.

²² Так же как, впрочем, и приверженцы традиционного причащения.

Манифест, изданный пражанами 20 апреля 1420 г., – следующий после «23 статей» документ, декларирующий основные цели гуситов. Время, отделявшее его появление от «23 статей», было полно событий первостепенной для судеб гуситского движения важности, оказавших влияние и на эволюцию программ.

Начало 1420 г. ознаменовалось наступлением сторонников Сигизмунда на позиции гуситов. Король, как сообщает Лаврентий из Бржезовой, повелел земским чинам всячески преследовать сторонников причащения чашей, несмотря на то что жители столицы по возвращении 4 января пражской делегации из Брно подчинились выдвинутому королем условиям. Кутногорские горожане, в свою очередь, не думали прекращать казни пленных гуситов²³. О соблюдении перемирия от 13 ноября 1419 г., таким образом, не было речи, так же как и о согласии королевской партии на признание «23 статей». Хотя документального подтверждения того, что, как писала Л. П. Лаптева, «король Сигизмунд отверг условия с презрением»²⁴, обнаружить не удастся, ход событий убеждает в этом. Захват Усти Сезимова, от которого нередко ведут отсчет истории Табора, произошел только 21 февраля, а таборитская община формально возникает там более месяца спустя, когда на сходе братьев было решено разрушить Усти, переселиться на гору Градиште и избрать четырех гетманов. В те же дни булла папы Мартина V “*Omnium plasmatoris domini*”, призывающая всех истинных христиан к «искоренению гуситов, уиклифитов и прочих еретиков»²⁵, была издана 1 марта во Флоренции, по всей видимости, до того, как судьба Усти могла стать известной римскому понтифику, и совершенно определенно раньше, чем ему донесли о возникновении оплота радикального гуситства на Таборе. Таким образом, мысль об организации крестового похода для подчинения гуситов силой не была реакцией на действия хилястов. 17 марта 1420 г. булла была зачитана легатом Фердинандом на сейме во Вроцлаве, всего через два дня после казни

²³ Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. С. 54–56 (гл. 26–27).

²⁴ Лаптева Л. П. Гуситское движение в Чехии XV в. М., 1990. С. 46.

²⁵ Цит. по: Palacký F. Dejiny narodu ceskeho. Praha, 1968. Dil. III. S. 202.

пражского купца гусита Яна Красы. Ф. Палацкий отмечал, что булла имела в странах Европы чрезвычайно широкий резонанс²⁶, хотя новости о последних событиях в Чехии там еще не были известны. Булла была направлена против умеренных. Требования «23 статей» король считал неприемлемыми, а их сторонников — заслуживающими наказания мечом. Тому подыскивали разные причины: «классовая ненависть феодалов» и религиозный фанатизм Сигизмунда, давление немцев или Рима.

В свою очередь, «узнав, что король венгерский Сигизмунд не имеет никаких хороших намерений по отношению к ним и к другим сторонникам истины», пражане ответили тем, что, «сбравшись в ратуше Старого Города со священниками и магистрами, борцами за причащение чашей, связали себя клятвой: всем своим имуществом и телом до последней возможности защищать и охранять причащение чашей против всякого, кто бы ни стал противодействовать ему»²⁷. Для этого они выбрали четырех гетманов, которым поклялись повиноваться. Так впервые в ходе гуситского движения было заявлено о выступлении против законного наследника чешской короны, тогда как всего за полгода до этого авторы «23 статей» рассчитывали на его понимание и поддержку.

Манифест 20 апреля, увидевший свет две недели спустя и подписанный в числе первых панами Ченеком из Вартемберка и Олдржихом из Рожмберка, вероятно, был призван обосновать это выступление. По словам Ф. Шмагеля, впервые в официальном документе гуситов выборность чешского короля была использована как предлог, чтобы узаконить сопротивление наследнику, которого страна считала недостойным носить корону (предшествующая клятва, о которой упомянул Лаврентий из Бржезовой, не сохранилась)²⁸. Сигизмунд, говорилось в манифесте, «предал нас великому поруганию и позору перед лицом всех христиан, без нашей вины нас обвинив в еретичестве, и особенно [порицал] причащение святой плоти и крови Господней». Кроме того, он «замыслил лишить корону чешскую ee

²⁶ *Palacky F. Dejiny narodu ceskeho. S. 215.*

²⁷ *Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. С. 62 (гл. 32).*

²⁸ *Šmahel F. Husitska revoluce. Praha, 1993. T. III. S. 38.*

прав и свобод»²⁹. В преамбуле законного короля упрекают также за то, что он не принял требования признать причащение под обоими видами и подтвердить права и свободы Чехии, что очевидно перекликается со статьями 2 и 22 в документе 1419 г.

На этом основании, равно как на том, что венгерский король не был еще признан земскими чинами Чехии и коронован, авторы манифеста призвали правителей соседних государств не считать Сигизмунда чешским королем. «Имена двоих самых могущественных чешских панов, встречающиеся в начале документа, придавали мятежу облик всесословного консенсуса. Утраквисты³⁰ тем самым стремились представить себя выразителями общих интересов обеих чешских земель»³¹. Не рассчитывая более на поддержку короля в урегулировании конфликта с церковью (см. ст. 3 в «23 статьях»), в апреле 1420 г. гуситы попытались самостоятельно добиться у нее признания своей правоты. Церковной иерархии и был адресован манифест. Подобное решение определено было следствием неблагоприятной реакции Сигизмунда на требования гуситов: обсуждать с церковью вопросы внутреннего устройства Чехии не имело смысла. Следовательно, исключаются требования, разрешения которых следовало ждать от короля, остаются только те, что заключали в себе суть предлагаемых церковных преобразований: причащение из чаши, свобода проповеди слова Божьего, «чтобы священники в своей жизни были нам примером, как то им было велено Господом и его апостолами, а после них установлено святыми отцами».

Манифест завершается такой статьей: «Стоим за общее благо чешского королевства и народа, а также за его очищение от недобрых и лживых слухов»³². По мнению Г. П. Мельникова, эта

²⁹ Archiv Český. Dil. III. S. 211.

³⁰ Умеренное направление в гуситстве, целью которого было разрешить мирянам причащаться под обоими видами. Название происходит от латинского слова “*utraque*”, что значит «под обоими». В качестве синонимов используются также термины: «чашники» и «подобой».

³¹ *Šmahel F.* Husitska revoluce. T. III. S. 38.

³² “<...> а ctwrte, o obecne dobre kralowstwie a jazyka naseho Ceskeho, a o ocistenie zle a krive powesti kralowstwie a jazyka ceskeho” (Archiv Český. Dil. III. S. 212).

статья свидетельствует, что «под влиянием католической агрессии происходила трансформация ценностей в конфессионально-политическом сознании высших слоев». Из текста воззвания от 20 апреля 1420 г. видно, что интересы «чешского языка», Чешского королевства и чешской короны для авторов так же важны, как вопросы веры. Следовательно, защита идей религиозной реформы, «правды Божьей», соотносится с защитой «общего блага языка чешского»³³. Понятие «общего блага» — сколь всеобъемлющее, столь и расплывчатое и потому привлекательное для подобного рода деклараций, могло быть адресовано не только узкому кругу сторонников гуситства. И за его появлением в тексте мог скрываться призыв не к защите реформы, но к обороне родины от агрессии.

«Если же в тех статьях обнаружится что-нибудь негодное, — отмечается в самом конце документа, — то мы не желаем того ни придерживаться, ни защищать неотступно, но во всем том стремимся совету, помощи и научению Писания святого послушны быть»³⁴. Эта фраза еще встретится нам в той или иной вариации в позднейших документах: третьейиюльской редакции пражских статей, протоколе Чаславского сейма и постановлениях синода гуситского духовенства, состоявшегося 6 июля 1421 г.³⁵

³³ Мельников Г.П. Этническое самосознание чехов и национальные проблемы в Чехии в гуситскую эпоху: (Конец XIV века — 1471 год) // Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995. С. 96–97. Исследователь в своих выводах о значении апрельского манифеста опирается, по его же собственным словам, на более раннюю работу Ф. Шмагеля, см.: *Šmahel F. Idea naroda v husitskych Čechach. České Budejovice, 1971.*

³⁴ Archiv Český. Dil. III. S. 212.

³⁵ «Истинно же утверждаем мы, что если при всех этих обстоятельствах кому-нибудь покажется в нас что-нибудь плохое, то мы будем всегда в полной готовности следовать указаниям Священного Писания» (*Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. С. 101 (гл. 50)*); «<...> нам самим лично вместе со всеми нашими подданными соблюдать эти истины и осуществлять их на деле, разве только нас убедят на основании Священного Писания в чем-либо другом, еще лучше, что не смогут опровергнуть на основе Священного Писания ни пражские магистры, ни священники» (Там же. С. 212 (гл. 94)); мы «не намереваемся отменять ничего, относящегося к правильной вере в Господа нашего

Насколько эта фраза — дань дипломатической форме? Насколько ее можно считать тактическим ходом, долженствующим убедить противников в миролюбии гуситов и наличии возможности пойти с ними на переговоры? Может быть, ее следует считать обещанием, которое никто не думал выполнять? Р. Каливода высказывал предположение, что это пункт программы «гуситской правой партии», которая «вскоре (как скоро, он не уточняет. — П. К.) выступила за примирение с Сигизмундом, капитулировала перед ним и принесла в жертву своих единоверцев-радикалов в обмен на туманные обязательства устроить слушания о чаше»³⁶. Ф. Махилек предположил, что готовность отказаться от реформационных предложений присуща всем гуситам: «Требование всеобщего слушания — один из определяющих факторов в отношениях между последователями Гуса и католическим миром»³⁷, именно слушания, а не признания правоты, ибо в ходе дискуссии доводы гуситов могли быть опровергнуты, и они заранее допускали такую возможность.

На наш взгляд, в апрельском воззвании обещание отказаться от своих взглядов, если они вступят в противоречие с Писанием, необходимо понимать буквально, ибо положение пражан было, по сути дела, безвыходным. После объявления 1 марта 1420 г. крестового похода у них не было уверенности в способности выстоять против Сигизмунда, поэтому манифест выглядит попыткой показать, что их выступление вызвано только обидой на незаслуженное обвинение со стороны короля. Эта обида могла быть забыта ими, если бы и король проявил добрую волю. О том же свидетельствуют действия пражан после публикации ими воззвания. Заключив перемирие с гарнизоном Града Пражского, они отправили к Сигизмунду в Кутну Гору посольство

Иисуса Христа, и если будем переубеждены в чем-нибудь противоположном и еще более правильном, то готовы это исправить» (Там же. С. 240 (гл. 102)).

³⁶ *Kalivoda R.* Husitska ideologie. Praha, 1961. S. 182.

³⁷ *Machilek F.* Die hussitische Forderung nach öffentlichen Gehör und der beheimstener Vertrag von 1430 // Husitstvi. Reformace. Renesance: Sborník k 60. narozeninám F. Šmahela / Uspor. J. Panek, M. Polivka, N. Reichtova. Praha, 1994. S. 526.

с предложением принять его в Праге как законного государя в обмен на амнистию. Сигизмунд выслушал членов посольства 15 мая, но «словно Люцифер, вознесшийся в своей гордыне»³⁸, потребовал капитуляции, чем вновь вызвал в столице негодование. Й. Пекарж, характеризуя более поздний документ — манифест пражан венецианскому правительству, увидевший свет 10 июля 1420 г., высказал мнение, что его «отличает психология осажденных», ибо он содержит нападки на противника вперемежку с заявлениями о своем стремлении решить дело миром³⁹. Нам представляется возможным распространить эту трактовку и на апрельское воззвание.

Сравнивая манифест 20 апреля с «23 статьями», следует отметить одну важную, по нашему мнению, тенденцию. Конкретные условия признания Сигизмунда чешским королем в указанном документе отсутствуют. Несмотря на это, судя по переговорам в Кутной Горе, они рассматривались в Праге в те же самые дни, когда было издано воззвание. В манифесте, как и во многих последующих гуситских программах, изложены только основные конфессиональные требования гуситов, но не политические или сословные. Последние выдвигались в других документах и обсуждались в иных условиях.

Формулировки и содержание обращений меняются в мае того же года. Все исследователи сходятся в том, что это явилось следствием вступления в Прагу отрядов таборитов 20 мая 1420 г. К их помощи было решено обратиться после неудачных переговоров с Сигизмундом⁴⁰. Последние принялись наводить в столице порядки, соответствующие тому, как, по словам Лаврентия из Бржезовой, они представляли себе закон Божий. Они

³⁸ *Лаврентий из Бржезовой*. Гуситская хроника. С. 70 (гл. 36).

³⁹ *Pekař J. Žižka a jeho doba*. S. 53.

⁴⁰ *Palacký F. Dejiny narodu českého*. S. 219; *Tomek V. V. Dějepis města Prahy*. T. VI. 2 vyd. Praha, 1906. S. 75; *Pekař J. Žižka a jeho doba*. S. 47; *Bar-toš F. M. Husitska revoluce*. I. Doba Zizkova, 1415–1426. Praha, 1965. S. 95; *Мацек Й.* Табор в гуситском революционном движении. М., 1959. Т. II. С. 305; *Kejř J. Mistři prazske univerzity a knezi taborsti*. Praha, 1981. S. 42; *Лантева Л. П.* Гуситское движение в Чехии XV в. С. 53; *Šmahel F. Husitska revoluce*. T. III. S. 43.

обрезали женщинам косы, а мужчинам сбрасывали бороды, отнимали дорогие одежды и украшения. Наконец, 25 мая таборитки разрушили женский монастырь св. Екатерины. Положение дел в столице стало напоминать лето 1419 г. Тем временем интересы борьбы с крестоносцами требовали, чтобы пражане и их новые союзники договорились о единстве действий, и в столице было восстановлено спокойствие.

Тревогу пражан и таборитов могли вызвать события в Сланах. В тот же день, 25 мая 1420 г., сторонники короля во главе с паном Вильгельмом Зайицем овладели городом, воспользовавшись недовольством части жителей таборитами. Два дня спустя, 27 мая, жители пражских городов и табориты принесли друг другу клятву. Она должна была подтвердить союз между ними, гарантией чего служило смещение прежних коншелов Старого и Нового Городов: табориты сомневались в надежности отстраненных должностных лиц.

Лаврентий из Бржезовой так передает клятву: «Единодушно постановили, прежде всего, всем им стоять заодно, как одному человеку, против короля венгерского Сигизмунда, так же как и против кого бы то ни было другого, противящегося закону Божию, особенно же причащению чашей <...>». А также «<...> принуждать клир придерживаться апостольской жизни и по мере сил не допускать симонии, алчности, приношений, роскоши и других незаконных явлений в жизни самого клира, чтобы они тем свободнее могли проповедовать слово Божье и выполнять другие обязанности своего сословия; и еще, чтобы прекратились все смертные грехи и все преступления против нравственности, как то: продолжительное пребывание в корчмах в праздничные и воскресные дни, высокомерие и излишества в отношении дорогостоящих одежд с различными разрезами и украшениями и, кроме того, всякие другие непорядки и измышления, противные закону Божию»⁴¹.

Различия между клятвой и манифестом заметны уже в преамбулах обоих документов. Открывая манифест заявлением

⁴¹ Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. С. 77 (гл. 40).

о решимости бороться с противниками причащения под обоими видами, его авторы воздерживаются от персональных упреков в чей бы то ни было адрес до того места, где начинают перечислять обиды, нанесенные Сигизмундом чешской короне. В майской клятве, наоборот, «постановили прежде всего» выступить против короля Сигизмунда. В пору, когда крестоносное войско уже двигалось к Праге, составители клятвы не считали нужным соблюдать дипломатическую вежливость.

Иной облик принимает и обращенное к представителям клира требование вести жизнь по заветам Христа. Манифест 20 апреля содержит лишь призыв: «Чтобы священники в своей жизни были нам примером <...>». Тогда как клятва гласит: «<...> *принуждать клир* (курсив мой. — П. К.) придерживаться апостольской жизни». Обязанность (или право) «принуждать клир» возлагалась, таким образом, на мирян-гуситов. В историографии развернулся спор о том, считать ли эту статью таборитской⁴².

Чем может быть обоснована такая трактовка? Было ли что-нибудь специфически таборитское в статье о наказании за грехи? Два дошедших до нас ранних манифеста таборитов действительно посвящены главным образом очищению от грехов: «В те-то времена давал Христос своим верным указание, дабы бежали не только грехов, но и общества злых людей⁴³. Очищение должно производиться покаянием, постом и добрыми делами. Нечестивых, по мысли хилиастов, должен покарать сам Господь»⁴⁴. Р. Каливода называл это состояние умов «хилиастическим фатализмом»⁴⁵, «продуктом социальной изоляции левых гуситов, которые вследствие своей слабости вынуждены были придать своему неприятию общества облик мечты о чуде»⁴⁶. Соответственно, они не предпринимали до поры до времени

⁴² *Мацек Й.* Табор в гуситском революционном движении. Т. II. С. 305. Вывод еще раз повторяется ниже (Там же. С. 313; *Pekář J.* Žižka a jeho doba. S. 64; *Bartoš F. M.* Husitska revoluce. T. I. S. 95; *Kalivoda R.* Husitska ideologie. S. 179; *Šmahel F.* Husitska revoluce. T. III. S. 43).

⁴³ Archiv Český. Dil. VI. S. 41.

⁴⁴ Ibid. S. 43.

⁴⁵ *Kalivoda R.* Husitska ideologie. S. 332.

⁴⁶ Ibid. S. 333.

попыток наказывать грешников своими руками. О взглядах радикалов известно также благодаря приведенным в хронике Лаврентия из Бржезовой 12 статьям, выдвинутым таборитами 5 августа 1420 г. в качестве условий, на которых они соглашались подтвердить союз с пражанами. В документе содержится подробный перечень подлежащих наказанию грехов: «Не терпеть и не оставлять без наказания ни одного явного грешника, как то: прелюбодеев и прелюбодеек, распутников и распутниц, соблазнительей и соблазнительниц» (ст. 3). «Чтобы не допускалось <...> распитие каких бы то ни было напитков в корчмах, а также вынесенных» (ст. 4). «Чтобы не носили и не разрешали другим ношение роскошных одежд <...>» (ст. 5). «Чтобы ни в ремеслах, ни на рынке не было обманов, утайки, чрезмерной наживы <...>» (ст. 6). «Чтобы священники, которые должны служить примером, соблюдали порядок, установленный Богом, и подражали апостолам и пророкам» (ст. 8). «Чтобы все платежи священникам были обращены на общее благо и чтобы уничтожены были ростовщические сделки на дома, на лавки и на что-либо другое, где бы это ни оказалось...» (ст. 10)⁴⁷.

Эти три документа подтверждают, что борьба с нарушениями внешнего благочестия, которое они считали несомненным проявлением закона Божьего, действительно очень заботила таборитов и что по этой причине они могли настоять на их включении в документ.

Тем не менее, требование наказания за смертные грехи не было чуждо и умеренным гуситам, и для его появления в майской клятве 1420 г. не был необходим диктат таборитов. Лаврентий из Бржезовой осуждает зажиточных сланских горожан, которые, «выгнав священников, причащавших под обоими видами <...>, сейчас же дозволили различные увеселения, игру в кости и прочие преступления против нравственности»⁴⁸. Зато он с радостью сообщает, как иные пражане, «приняв с умилением спасительную весть о причащении под обоими видами, признавались в своем заблуждении, в которое впали под влиянием дурных пресвитеров,

⁴⁷ Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. С. 103–104 (гл. 52).

⁴⁸ Там же. С. 75 (гл. 38).

и, покаявшись, приступали с великим благоговением к причащению чашей»⁴⁹. Благоговение в данном случае могло означать не только внутреннее чувство верующего, но и благочестие, требование которого стало отныне выполняться. Еще раньше требование наказания за смертные грехи находило поддержку в сочинениях Джона Уиклифа, когда это касалось грехов духовенства⁵⁰, так что этот пункт клятвы не должен был встретить противодействия среди умеренных сторонников чаши. Одной из функций мирской власти в средние века считалась защита церкви, понимаемая и как борьба с язычниками и еретиками, и как поддержание мира, порядка и благочестия среди подданных-христиан, чьи греховные поступки, например богохульство, подлежали не только духовному, но и светскому суду, который при случае мог действовать оперативнее, чем духовный⁵¹. «И еще было установлено, — говорилось в клятве, — чтобы противников закона Божия старательно разыскивать, допрашивать и не разрешать им оставаться в городе; для этой цели по приказанию консулов пресвитеры церковей должны были обходить отдельные дома противников <...>»⁵². Власть городского магистрата распространялась здесь на священников, определяя, что есть смертный грех, и налагая наказания за него. Такая вполне традиционная трактовка данного положения должна была вполне устроить и пражан, и даже католиков⁵³, ибо пугавший их произвол таборитов должен был быть ограничен городскими властями.

⁴⁹ *Лаврентий из Бржезовой*. Гуситская хроника. С. 78 (гл. 40).

⁵⁰ *Uhlirz M.* Die Genesis der vier Prager Artikel. Wien, 1914. S. 175. Цит. по: *Озолин А.И.* Из истории гуситского революционного движения. Саратов, 1962. С. 202.

⁵¹ *Le Goff J.* Saint Louis. Paris, 1996. P. 120, 831. Об обязанности светской власти бороться за искоренение смертных грехов см. также: *Kaminsky H.* Peter Chelčický. Treatises on Christianity and the Social Order // *Studies in Medieval and Renaissance History*. Vol. I / Ed. W. Bowsky. Lincoln; Nebraska, 1964. P. 126.

⁵² *Лаврентий из Бржезовой*. Гуситская хроника. С. 77 (гл. 40).

⁵³ Эберхард Виндеке говорил о том, что мог бы признать правду за гуситами в отношении наказания священников и их лишения имущества (*Eberhard Windeckes Denkwürdigkeiten... S. 147*).

К этому стоит добавить то весьма примечательное обстоятельство, что Лаврентий, не раз порицавший таборитов, ни словом не обмолвился о том, что присяга была принята под их диктатом. Более того, его фраза: «Из всех этих положений впоследствии были составлены и выражены в надлежащей форме, о чем будет более подробно сказано в дальнейшем, четыре главные статьи, на которых настояли пражане со своими приверженцами <...>»⁵⁴ — говорит как будто совсем обратное. Именно пражане и их загадочные союзники выступают инициаторами составления документа, настаивают на своем понимании его содержания и формы. Попутно встает вопрос: с кем им пришлось бороться? Возможно, он намекает на раскол среди таборитов на сторонников и противников пражан. Но в любом случае специфические требования вторых невозможно определить. Можно только предположить, что это были табориты, которые желали продолжения насильственных действий, что вызвало недовольство в Праге и отпадение Слан от союза.

Мне представляется не вполне обоснованным считать статью о наказании за смертные грехи таборитской по происхождению. Однако не следует совершенно исключать влияние таборитов на составление пражских статей. В конце концов, влияние это необязательно должно было состоять в активном участии в разработке и текстуальной оформлении гуситских требований. Само присутствие таборитов в Праге летом 1420 г. и предпринимаемые ими там действия могли подтолкнуть составителей статей включить в них требование, способное найти у настроенных радикально гуситов благожелательный отклик.

Перед лицом опасности двум течениям в гуситстве удалось договориться о совместной борьбе с Сигизмундом. С одной стороны, это было результатом определенной близости их взглядов на церковную реформу. С другой же, принятые ими совместные документы по необходимости содержали формулировки общие, неясные и приближенные мелкими оговорками к точке зрения католической церкви⁵⁵, «в самом общем виде удовлетворяющие

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Мацек Й. Табор в гуситском революционном движении. Т. II. С. 304.

гуситов любого направления»⁵⁶. Подписавшиеся под общим программным текстом могли расходиться в понимании его смысла.

По словам Лаврентия из Бржезовой, клятва 27 мая стала основой для появления 3 июля 1420 г., пожалуй, самого известного из гуситских программных документов — «Четырех пражских статей». За несколько дней перед тем, 30 июня 1420 г., войска Сигизмунда подошли к Праге с севера, а сам король с торжественной процессией въехал на Пражский Град. Положение гуситской Праги сделалось критическим. Тогда, как сообщает Эберхард Виндеке, «богемские господа стали досаждать королю своими преступными и лицемерными речами», умоляя его о переговорах с осажденными, и тем самым помешали взять город⁵⁷. О переговорах, пусть неудачных, сообщает и Лаврентий. Представители гуситов, в свою очередь, просили разрешения публично высказать свои взгляды: армия крестоносцев 3 июля получила статьи, переведенные на немецкий, латинский и венгерский, 6 июля 1420 г. немецкий перевод был адресован маркграфу Мейсенскому Вильгельму II Богатому (1407–1425), а 10 июля дожу Венеции Томазо Мочениго (1414–1423) было отправлено написанное на латыни изложение этого документа.

Тот факт, что «окончательная редакция четырех статей предназначалась для переговоров с иностранцами»⁵⁸, привел, по мнению Й. Мацек, к смягчению формулировок требований гуситов.

Почему именно вариант 3 июля 1420 г. получил у этого автора название окончательной редакции? Большинство исследователей отмечает медленную и постепенную эволюцию документа. Ф. Палацкий полагал, что «Четыре пражские статьи» выкристаллизовались между 3 июля и 1 августа. Важным этапом в их

⁵⁶ Лантева Л. П. Гуситское движение. С. 53.

⁵⁷ Eberhard Windeckes Denkwürdigkeiten. S. 111.

⁵⁸ Мацек Й. Табор в гуситском революционном движении. Т. II. С. 306. О предназначении «Четырех пражских статей» для переговоров с королем см. также: Palacký F. Dejiny. Т. III. S. 228; Pekař J. Žižka a jeho doba. S. 62.

становлении стала дискуссия между гуситскими и католическими священниками, состоявшаяся на Малой Стране 25 июля⁵⁹. П. Брок не пытался уточнить дату окончательного формирования гуситской программы в пределах 1420 г.⁶⁰ А. И. Озолин называл две даты: 3 июля 1420 г., а также Чаславский сейм 1 июня 1421 г., на котором статьи были, по его словам, «официально приняты»⁶¹. К последней дате склоняется Л. П. Лаптева. «Чаславский сейм, — читаем в ее книге, — провозгласил 4 пражские статьи земским законом»⁶². Официальное признание завершалось, таким образом, эволюцию требований.

Иначе полагали Ф. М. Бартош и Ф. Шмагель. По их представлениям, уже апрельский манифест был одной из первых редакций, а окончательную форму статьи приобрели в майской клятве⁶³.

Для обеих точек зрения основания есть. В апреле–мае 1420 г. сформировалось содержание требований, определился их набор. Таким образом, варианты, появившиеся после майской клятвы, могут расцениваться как результат шлифовки вошедших в нее формул. Можно предположить, что именно это послужило основанием считать клятву окончательной редакцией. Но документ, датированный 3 июля 1420 г. и предназначенный для внешнего употребления, приобрел наибольшую известность среди современников и последующих поколений, став своего рода символом гуситства.

В послании венецианцам статья о наказании за смертные грехи была заменена статьей о защите чешского королевства от порочащих его обвинений в покровительстве еретикам, которая переключается с апрельским манифестом. Ф. Палацкий на этом основании видел в письме в Венецию развитие последнего⁶⁴. Впрочем, замена

⁵⁹ *Palacký F. Dejini. T. III. S. 228.*

⁶⁰ *Brock P. The political and social doctrines of the unity of the Czech Brethren in the 15th and early 16th centuries. London, 1957. P. 12.*

⁶¹ *Озолин А. И. Из истории гуситского революционного движения. С. 201.*

⁶² *Лаптева Л. П. Гуситское движение в Чехии. С. 55.*

⁶³ *Bartoš F. M. Husitska revoluce. T. I. S. 95; Šmahel F. Husitska revoluce. T. III. S. 43.*

⁶⁴ *Palacký F. Dejini. T. III. S. 225.*